Глава 5: Причина смерти

— Ты! Ты недоумок!

Родитель, облитый кофе, дернулся, словно собираясь ударить меня.

Классный руководитель, и остальные родители объединились, чтобы остановить его.

Но я без колебаний подошел к кричащему родителю, широко раскинув руки.

— Ну, давайте. Попробуйте ударить меня.

— Ин Соп!

Бан Чжон А очень боялась, что меня ударят, но когда я подошел, родитель перестал кричать.

Я с улыбкой оглядел шестерых родителей и классного руководителя.

— Вы же не можете меня ударить?

— Да как ты сме…

— Как вы думаете, почему?

Я внезапно задал им вопрос, и все замолчали.

Не став тянуть, я дал ответ.

— Потому что если взрослый ударит несовершеннолетнего, ситуация станет очень серьезной, верно? По закону это более суровое наказание. Может, если бы мы были наедине, все было бы иначе, но в таком публичном месте это не скроешь.

— Ха.

— Вы кажетесь очень злым, но вы понимаете, о чем я говорю. Если вы ударите меня сейчас, ваша жизнь может разрушиться в одно мгновение.

Все замолчали.

— Закон не позволяет людям бить друг друга. Но ваши дети ударили меня, и старшеклассник из нашего приюта нанес ответный удар. Вот почему ситуация обострилась до такой степени.

— …

— Послушайте. Мы все провинились, и по закону обе стороны должны понести наказание. Это невыгодно никому. Затем мы и собрались здесь, чтобы сделать вид, что ничего не было. Потому что если станет известно, что ваши дети ударили меня, это повлияет на их поступление в среднюю и старшую школу, верно?

— …

— В моих словах нет ничего особенного, просто чистый здравый смысл. Разве не так?

Взрослые кивнули, выглядя ошарашенными.

Я тоже кивнул, удовлетворенно улыбаясь.

— Значит, мы просто притворимся, что ничего не было, и разойдемся. Но если вы будете устраивать такие сцены, ругаться, кричать и кидаться бумажными стаканчиками в наших воспитателей, то мне не захочется на это соглашаться.

Классный руководитель, уже имевший опыт гладкого урегулирования со мной, быстро вмешался, чтобы исправить ситуацию, почувствовав, что все идет наперекосяк.

Теперь все присутствующие были слишком взволнованы, чтобы вести нормальный разговор.

— Учитель, осталось всего 7 лет.

— Ты можешь просто помолчать?

— На следующей неделе я стану на год старше, так что через 7 лет я стану взрослым. Как вы думаете, сможете ли вы продолжать работать, если я начну подавать жалобы и встречаться с представителями управления образования? Думаете, я забуду об этом инциденте? Вы слишком молоды, чтобы выйти на пенсию через 7 лет, так что принимайте решение с умом.

Классный руководитель сел на место, сетуя на падение авторитета учителя в Южной Корее.

— Нет, я могу подать жалобу даже сейчас. Вас, родителей, здесь шестеро, так что вы, наверняка сможете нанять приличного адвоката, но неужели вы думаете, что у нас нет поддержки, потому что мы из приюта? Наш директор, Мун Чун Чжэ, - старейшина крупной церкви, и у него также есть крестильное имя. Думаете, он зря живет светской жизнью? А если я начну будоражить Центр защиты прав детей, Управление образования, офис конгрессмена, местные радиостанции и весь район, как вы думаете, кому это аукнется? Точно не мне. Пострадают ваши дети и ваша общественная репутация.

Когда я закончил свою тираду, у меня пересохло в горле. Поэтому я глотнул холодного кофе, оставленного учителем.

Фух

Теперь все в комнате смотрели на меня так, словно видели настоящего монстра.

На их месте я бы, наверное, закричал и убежал, если бы так себя вел пятиклассник в начальной школе.

— Если вы все понимаете ситуацию, то давайте разойдемся без дальнейших обсуждений. Я бы попросил вас извиниться перед воспитательницей Бан Чжон А за то, что бросили в нее бумажный стаканчик, но поскольку вы, скорее всего, этого не сделаете, я просто уйду. Я тоже не стану извиняться за то, что вылил кофе, так что оставьте свои жалобы при себе.

Я вывел из комнаты воспитательницу Бан Чжон А, чьи глаза уже потеряли осознанность.

Таким образом, инцидент был улажен по обоюдному согласию обеих сторон.

Эп 1 Причина смерти

Я вспомнил прошлое.

Ученики средних и старших школ искусств получали литературные премии на писательских

конкурсах.

Для ученика гуманитарного профиля из обычной школы победа на таких конкурсах была чем-то особенным.

Я был тем самым особенным учеником средней школы.

Я ездил по всей стране, собирая молодежные литературные премии, как будто бил рекорды.

Но каждый раз, когда я получал такое особое отношение, я задавался вопросом, какой смысл в посещении средней школы искусств.

И каждый раз я видел, как какой-нибудь долбаный засранец, явно менее талантливый, чем я, выигрывал главный приз только потому, что учился в средней или старшей школе искусств...

(Признаюсь, я был немного грубоват в годы средней школы.)

Постепенно я начал понимать ответ на этот странный вопрос.

Ученики школ искусств не обязательно были более творческими или исключительно талантливыми, чем другие.

Они просто владели стилем, оформлением и тематикой, которые требовал (и предпочитал) литературный мир.

Этому их учили профессионалы, работающие в настоящее время в литературном мире. Судьи этих литературных премий также были представителями литературной сферы.

Из этих нескольких фактов можно сделать определенные выводы.

— В конце концов, нужно учитывать лицо писателя Кима. Не могу же я не отдать премию его ученику. Они прекрасно знают, что я сужу этот конкурс.

— Просто по тексту можно определить, к какой школе они относятся. В письме есть фундаментальное качество. Оно четко структурировано. А как насчет этого? Ему лучше писать веб-романы, зачем лезть на арену профессионалов?

— Не должны ли награды доставаться тем, кто будет активно работать в литературной сфере, а не просто студентам-гуманитариям, которые относятся к писательским конкурсам как к хобби?

Конечно, никто не обсуждал эти вопросы открыто.

Но многозначительные взгляды, которыми обменивались судьи и ученики, постепенно возникающая неловкая атмосфера, когда выяснялось, что я не учусь в средней школе искусств, и атмосфера конкурсных залов, заполненных униформой школ искусств, говорили о многом.

Они уже были самобытной группой в литературном мире.

Так что я, простой студент-гуманитарий, пытающийся стать писателем, посещая писательские конкурсы, был явным аутсайдером.

Именно поэтому я сказал, что хочу учиться в старшей школе искусств.

— Нет.

Так отреагировала воспитательница Бан Чжон А.

— Мне правда жаль, что я не могу полностью поддержать твою мечту. Но невозможно платить миллионы вон за обучение в семестр только ради тебя. Это несправедливо по отношению к другим детям.

— Я сказал, что буду учиться на стипендию.

— А как же плата за обучение?

— Я буду копить деньги, работая на полставки.

— Ин Соп, давай не будем все усложнять. Все живут так. Вне нашего приюта, даже обычные дети зачастую не идут в средние и старшие школы искусств. Именно из-за денег.

— Все же я сказал, что хочу учиться в школе искусств.

— Почему ты такой эгоист? Я не ожидала от тебя такого. Думаешь, другие дети не хотят платить за обучение? Почему ты хочешь особого отношения? Возможно, наш приют и не обеспечил тебе благоприятных условий, но мы сделали все, что могли. Желание учиться в школе искусств - это просто чрезмерная жадность. Я не хочу больше это обсуждать. Возвращайся назад и подумай о своем поведении.

Деньги. Деньги. Деньги.

Эти проклятые деньги. Деньги. Деньги.

— Разве я виноват в том, что родился без денег и без родителей?

Не в силах сдержать нарастающий гнев, я резко ответил.

Я оскорбил ее в литературной манере, подобающей тому, кто стремится стать писателем.

Воспитательница Бан Чжон А во время занятий с дошкольниками называла детей по их будущим мечтам. Так, в нашем классе было шесть врачей и бесчисленное количество знаменитостей. Естественно, с того времени я был писателем Муном.

Я резко высказал ей, что это неправильно.

Я сказал, что неправильно сеять в детях мечты.

— "У тебя нет родителей и средств, поэтому ты, скорее всего, не поступишь в колледж. Так что готовься пойти на завод, когда тебе исполнится 18", - вот как надо было их воспитывать.

Так я сказал.

И женщина, которая с любовью заботилась обо мне с ранних лет, которую я однажды принял за свою мать, разрыдалась.

Она горестно плакала и извинялась передо мной.

Я не могу забыть это выражение.

А теперь. Эта сцена вновь пронеслась у меня перед глазами.

— Прости, Ин Соп.

Сразу после выхода из начальной школы Бан Чжон А схватила меня за руку и разрыдалась. Она продолжала извиняться передо мной приглушенным голосом.

— Простите, учитель.

— За что?

— За все, просто за все.

Казалось, что недавние события в школе пошатнули психику этой 25-летней женщины.

Как бы то ни было, из-за нерадивых родителей страдают хорошие воспитатели детских домов.

Может, она думает, что это она виновата в том, что я так почерствел? Что не смогла защитить пятиклассника, который только что вылил горячий кофе на взрослого? Конечно это не так.

Во всем виноваты родители. Пятиклассник Мун Ин Соп совершенно невиновен.

— Мне жаль, что я не смогла тебя защитить! У-у-у!

Одно дело, когда ребенок держит за руку взрослую женщину и плачет, но когда взрослая женщина держит за руку ребенка и плачет, все прохожие переглядывались, проходя мимо.

Я открыл рот, чтобы утешить воспитательницу Бан Чжон А.

— Учитель, прекратите. Просто остановитесь.

— Угу

— Вот так. Хорошо.

Она плакала еще некоторое время и, высморкавшись в салфетку, которую я ей дал, наконец успокоилась.

Воспитательница Бан Чжон А. 25 лет.

Достаточно взрослая, чтобы чувствовать себя неловко, плача и цепляясь за ученика начальной школы.

Ее лицо стало ярко-красным от смущения, и она умоляла меня спасти ее социальное достоинство.

— Ин Соп. Ты можешь сохранить в тайне, что я плакала, от других воспитателей и друзей из приюта?

— Если вы купите мне бумагу для рукописей.

— О! Да! Конечно!

К счастью, рядом с начальной школой был магазин канцтоваров. Бан Чжон А поспешила купить бумагу для рукописей и протянула ее мне.

— Вот! Держи!

— Спасибо, учитель.

Учительница Бан Чжон А, все еще с опухшими глазами, неловко улыбнулась.

— Как-то я забыла купить тебе бумагу для рукописей на этой неделе. Наверное, я была слишком занята подготовкой к рождественской вечеринке.

Я аккуратно убрал бумагу для рукописей, которую она мне дала, и сказал,

— Отныне можете не покупать мне бумагу для рукописей каждую неделю. Теперь я буду пользоваться обратной стороной использованной бумаги.

— Что? Нет! Нет! Не говори мне, что это из-за денег? Всё нормально! Это не так дорого. Я могу продолжать покупать ее для тебя.

— Нет, все в порядке. Благодаря бумаге для рукописей, которую вы купили, я достаточно попрактиковался. Теперь я практически на ходу могу определить сколько слов я написал.

Воспитательница Бан Чжон А выглядела так, будто вот-вот снова расплачется.

Я быстро добавил,

— Но когда будет конкурс писателей могу ли я получить от вас бумагу для рукописей и почтовые расходы? Остальное я сделаю по электронной почте.

— Ах

Она лучезарно улыбнулась и погладила меня по голове.

— Конечно!

Эта улыбка была чистой, как у ребенка.

Действительно. Двадцать пять - слишком юный возраст, чтобы считаться взрослым.

* * *

Недавно, столкнувшись с несколькими мелкими неприятностями, я кое-что понял.

Очевидно, что мир слишком жесток и пугающ, чтобы ученик пятого класса начальной школы Мун Ин Соп мог справиться с ним в одиночку.

Будь то сдача экзамена GED, заработок денег или быстрое улучшение условий жизни, нужно было что-то делать.

Даже проживание в 4-местной комнате с двумя двухъярусными кроватями было сложным.

Разве это не три моих соседа по комнате сейчас толпятся у телевизора и шумят?

— Что же будет с политиками, окруженными ордой зомби?! Если страна развалится в первый же день их полномочий, зачем они вообще были избраны! Фильм, после просмотра которого вам захочется голосовать! Это были "Зомби в день инаугурации"!

— Вот дерьмо, Кён Сик хён! Покажи нам еще немного!

— Кён Сик Хён! Проклятье! Как ты можешь останавливаться на таком моменте!

Я закричал на трех своих соседей по комнате, которые бесновались перед телевизором.

— Эй, ребята! Если вам так хочется смотреть фильмы, идите в кино! Прекратите беситься перед каналом обзора фильмов!

— У нас нет денег на билеты в кино.

— Эй, четырехглазый. Ты что, сейчас оскорбляешь Кён Сик хёна?

— Я могу стерпеть оскорбления в адрес наших родителей, но оскорблять Кён Сик хёна - это непростительно!

— А? Кажется ты что-то напутал.

— Что именно?

Уф

Пока они продолжали дурачиться, я накрылся одеялом и собрался с мыслями.

Посмотрим. Проклятый вопрос денег преследует меня как в прошлой жизни, так и сейчас.

Поскольку пятиклассник не может работать на полставки, мне придется зарабатывать деньги написанием романов.

Чтобы заработать на писательстве, единственным решением является публикация.

Веб-романы? Если я хочу заработать деньги на писательстве, это самый быстрый способ. Но как гордый, настоящий писатель я не могу идти таким нетрадиционным путем.

И это точно не из-за травмы из моей прошлой жизни, когда, несмотря на публикацию почти 100 глав, я не получил ни одного комментария, отбросив свою гордость и все ради денег.

В любом случае.

Чтобы превратить рукопись, набросанную на бумаге, в книгу, продающуюся в книжных магазинах, есть два пути.

Во-первых, участие в литературных кастингах, проводимых различными газетами, получение литературной премии на Новогоднем литературном конкурсе и блистательный дебют.

Однако прием заявок на крупные литературные премии обычно заканчивается в начале декабря, так что эта возможность уже упущена.

Остается только второй вариант.

Второй способ - это...

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

http://tl.rulate.ru/book/104418/3667746